

Труфанов С.Н.

О ЗАВЕРШЕНИИ ЭПОХИ ТИШИНЫ И ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЭТОМ РИСКАХ

На протяжении последних пяти лет – с 2013 г. по 2017 г. – я регулярно подавал в РГНФ заявку по проекту «"Критика чистого разума" И. Канта в доступном изложении». И каждый раз получаю на неё отказ. Случайность? – Нет. В 1999 г. была опубликована первая моя работа из этого цикла: «"Наука логики" Гегеля в доступном изложении». Она разошлась тиражом 5000 экз. и была хорошо принята рядовым читателем. Однако за все прошедшие **18 лет** ни в одном из так называемых «ведущих» философских журналов не появилось **ни одного (!)** упоминания о ней. И ладно, если бы эта тема вообще не интересовала их. Но это не так, она у них в тренде.

Девятью годами раньше вышла книга Мотрошловой Н.В. «Путь Гегеля к "Науке логики"» (1991). Девятью годами позже – книга Ойзермана Т.И. «Кант и Гегель: опыт сравнительного анализа» (2008). В них также пересказывается содержание «Науки логики» Гегеля. Обе книги не остались без внимания. Обе получили положительные рецензии, и были якобы даже чем-то награждены. Моя же книга умудрилась каким-то образом проскочить мимо их внимания, не смотря на то, что именно в ней впервые была «...действительно достигнута заявленная в названии доступность изложения, чего **никогда** в прошлом **никому** не удавалось, даже Куно Фишеру! Так что её автора можно поздравить с поистине **небывалым** результатом!» (цитирую одно из писем).

Что же помешало нашим «ведущим» философским центрам заметить мою книгу? Причина здесь одна: несоответствие её внешних данных критериям цветовой дифференциации штанов. Если бы подобная книга появилась где-нибудь в Европе (или хотя бы в Турции), то все журналы непременно сообщили бы нам об этом и познакомили бы нас с ней. А после ещё преподнесли бы это как свой вклад в развитие российской философии. То же самое произошло бы, если бы такую книгу написал сотрудник института философии или одного из «ведущих» философских факультетов. Её (книгу) вознесли бы до небес.

Но коль скоро «"Наука логики" Гегеля в доступном изложении» была написана не на Западе и не в ИФ РАНе, а где-то на просторах замкадовской России, то она получила то, что получила. Весь коллектив целого академического института, которому по уставу положено находить передовые научные разработки и способствовать их продвижению, солидарно развернулся к ней разрезом своего пиджака. И на протяжении всех 18-ти лет ни один сотрудник не нарушил это табу и не подвёл своих товарищей. Тем самым был дан пример того, как следует относиться к подлинно прорывным достижениям отечественной философии: **моя спиной стоял, моя не видел**. (За два минувших столетия объявлялось много охотников разобраться с «Наукой логикой» Гегеля и написать комментарий к ней. Но сделать это удалось только нам, здесь, в России на базе великого и могучего русского языка. Мы – единственные – не только смогли заявить стихами А. Блока: «Нам внятно всё – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», но и на деле доказали это!)

Негативный эффект от такого примера значительно усиливается тем, что в нашей стране, не смотря на все реформы, продолжает существовать вертикально интегрированная система организации науки. У нас практически нет каких-либо самостоятельных структур, которые позволяли бы себе давать независимые оценки, и тем самым вносили бы в сферу научного творчества дух свободы и состязательности. Все низовые звенья нашей науки (диссертационные советы, научные руководители), так или иначе, зависят от столичных структур. Поэтому они вынуждены действовать с оглядкой на них, учитывая все их писанные и неписанные рекомендации. Подобное положение дел убивает исследовательскую инициативу, выхолащивает суть научного творчества, разрушает его нравственную основу. (Об этих пороках нашей науки хорошо написала профессор Вера Афанасьева из Саратова: *патологическая ложь, девальвация знаний, душевное нездоровье*. За это ей наше уважение и благодарность. Называть вещи своими именами – это первое условие развития науки.)

Как говорят в таких случаях, всё это было бы смешно, когда бы ни было так грустно. Заигравшись в цветовую дифференциацию штанов, мы не замечаем тех новых проблем, которые ставит перед философией стремительно меняющаяся реальность, и которые, по сути, имеют историческое значение.

Появившиеся в последние десятилетия *доступный Интернет* и *смартфоны* привели к окончанию *эпохи тишины*, которая существовала на протяжении всей прошедшей истории человечества. Эта эпоха, как теперь становится ясно, создавала благоприятные возможности для интеллектуального развития человека. В условиях постоянной тишины, люди имели достаточно времени на то, чтобы неторопливо и много читать, обстоятельно изучать науки, подолгу и широко думать. Мышление образованного человека той эпохи могло вобрать в себя десятки и сотни томов сложнейших текстов, проанализировать их и прийти к их пониманию. Располагая такой базой, оно позволяло себе создавать собственные произведения столь же объёмного и глубокого содержания. Именно в эпоху тишины, только при том высочайшем уровне развития мышления, могли появиться такие масштабные творения духа, как: «Диалоги» Платона, сочинения Аристотеля, «Система наук» Хр. Вольфа, «Критики» И. Канта, корпус «Наукоучения» Фихте, «Энциклопедия философских наук» Гегеля и другие. (Сказанное равным образом относится к величайшим достижениям других сфер: мифологии, религии, искусства, литературы, истории, естествознания и т.д.).

Пришедшая на смену эпоха *информационного шума* привнесла радикальные изменения в процесс интеллектуального развития человека. Сегодня практически все подростки 90-х и 00-х гг. рождения ежедневно пользуются интернетом. А это значит, что их сознание постоянно отвлекается на восприятие внешней и по большей части мусорной информации. Из-за этого деятельность их мышления становится всё более рваной и фрагментарной. У них всё меньше остаётся времени и интереса на то, чтобы читать литературные произведения, изучать науки, просто подолгу думать. Такая практика ведёт (и уже привела) к значительному снижению масштаба и качества их мыслительной деятельности. Если в эпоху тишины мышление человека выступало как самостоятельная, самодостаточная сущность, то теперь оно теряет этот статус. Оно всё более привязывается к Интернету, становится его приложением. И это происходит повсеместно во всех странах и на всех континентах.

Отсюда возникает беспрецедентный вопрос, который ещё два-три десятилетия назад трудно было даже представить. **Смогут ли наши внуки и правнуки, которым выпало жить в эпоху информационного шума, развить своё мышление настолько, чтобы самостоятельно освоить все интеллектуальные достижения уходящей эпохи?** Не произойдёт ли разрыва между этими двумя эпохами, когда наиболее сложные произведения прошлого окажутся не по зубам (не по мозгам) поколениям будущего. Таковыми в первую очередь могут стать философские произведения, по той простой причине, что философия является умозрительной наукой и требует хорошо развитого, самодостаточного и уверенного в себе мышления. В рамках самой же философии наиболее сложными являются труды классиков. Тот, кто изучал их всерьёз и основательно, знает прекрасно, что только на то, что бы загрузить эти труды в свою голову и более-менее разобраться в них, уходило не одно десятилетие жизни (в условиях тишины). А как будут осваивать эти произведения те, кто ежедневно тратит значительную часть своего времени на торчание в экранах, и для кого это занятие по своей значимости уже стоит на первом месте?

Чтобы предотвратить возможность такого разрыва есть только одно надёжное средство. Необходимо переложить все сложные, малопонятные философские произведения на доступный язык. Только с помощью таких доступных переводов мы сможем сделать наследие классической философии достоянием наших потомков. Если у них будут такие доступные изложения, то с их помощью они смогут войти в оригинальные тексты и разобраться в них самостоятельно. Если у них не будет таких доступных изложений, то велик риск того, что они утратят смысл классического наследия навсегда.

Сделать такую работу по переложению сложнейших произведений философии на

доступный язык предстоит нашему поколению (рождения 50-х–70-х годов прошлого века). Других претендентов на это нет и не будет. Не потому, что мы такие хорошие, а потому что мы являемся последним поколением, полностью выросшим и сформировавшимся в условиях тишины. Наш интеллект, наше мышление принадлежат к той же эпохе, что и творения классиков. Уж если мы не сумеем расшифровать их произведения, понять их и переложить на доступный язык, то этого тем более не сумеют сделать поколения новой эпохи. Получается так, что само время обязывает нас направить свои силы на то, чтобы переложить сложнейшие философские произведения на доступный язык. Это наш долг по отношению к нашим потомкам.

Начинать делать эту работу надо было ещё вчера, поскольку сегодня представителям нашего поколения уже по 50-60 лет. А это значит, что в нашем распоряжении остаётся не так много времени. Лет через пятнадцать наше творческое *акмэ* начнёт тихо угасать. А вместе с ним закроется окно тех возможностей, которые вложила в нас эпоха тишины. Сможет ли новая эпоха (шума) создать собственное окно таких возможностей? Ответ на этот вопрос сегодня не знает никто. Поэтому лучше не рисковать и постараться сделать всё то, что предписывает нам нынешняя ситуация и что позволит сохранить интеллектуальную преемственность сменяющихся эпох.

Подобная ситуация однажды уже имела место в самой классической философии. То обстоятельство, что «Энциклопедия философских наук» была написана Гегелем именно в первой трети XIX века, не является случайным. В тот период наука находилась как раз на том уровне развития, когда работу по созданию всеобщей системы понятий, уже не только пора было начинать делать, но ещё и можно было сделать. В каждой науке уже сформировался аппарат основных, несущих её конструкцию понятий. При этом само строение этих наук ещё оставалось прозрачным и не было загромождено всем тем прикладным содержанием, которое пришло в них позднее. Именно тогда и **только тогда** можно было сделать то, что сделал Гегель. Изучив все науки своего времени, он систематизировал понятия по принципу логической преемственности их смысла, когда из одного понятия вытекает смысл другого, из него третьего, и т.д. Тем самым впервые в истории была проделана работа по наведению порядка в содержании самого разума. Иначе говоря, Гегель впервые описал дерево понятий нашего естественного разума. В более поздние сроки решить эту задачу никому бы уже не удалось. В условиях начавшегося с середины XIX в. лавинообразного роста знаний, она стала превосходить возможности человеческого ума.

Аналогичную ситуацию мы имеем и сегодня. На повестке дня ни много ни мало стоит задача обеспечения преемственности интеллектуального развития человечества. Для решения этой задачи у нас есть ограниченный период времени, в течение которого нам надо успеть:

а) самим разобраться в произведениях философской классики и прийти-таки к их пониманию,

б) переложить их на доступный для широкого круга читателей современный язык. (Надо полагать, что нечто подобное должно быть сделано и в других сферах духовного творчества, но это уже не наша обязанность.)

Таким образом, всё вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что работа по переложению произведений немецкой классической философии (и не только их) на доступный язык имеет сегодня **исключительно важное, первостепенное значение**. Все другие темы и направления исследований могут позволить себе не торопиться. А эта работа уже не терпит отлагательств. Её необходимо делать здесь и сейчас. Потом может быть поздно.

Поскольку возможность государственного содействия этой работе блокируется теми структурами, которым оно доверило право формулировать и выражать свои интересы в сфере философии, то рассчитывать можно только на инициативу тех людей, которые разделяют данные опасения, и которые готовы принять участие в этой работе. Неважно

какие у них степени и звания, важно чтобы они обладали способностью излагать сложнейшие философские произведения доступным языком.

По своему характеру эта работа не может делаться ни урывками, ни на коленке. Она требует размеренного каждодневного присутствия за письменным столом. Для организации такой работы, конечно же, требуются финансовые средства. Они позволяют решать главную проблему – максимально высвободить время для создания тех самых доступных вариантов классических произведений. И здесь уже не случайные гранты нужны, а постоянная квота.

Благодарю за внимание.

10 июня 2017 г.

Труфанов Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент, г. Самара.

<http://trufanovsn.ru>

E-mail: trufanovsn@yandex.ru